

Горжусь, что являюсь потомственным журналистом

Признанный мэтр российской журналистики Николай Долгополов о профессии и профессионалах.

– Николай Михайлович, каковы ваши корни?

– Невероятный вихрь, который мог подняться лишь в революционную смуту, закрутил и моего отца, подбросил немыслимым изломом судьбы к армейским вершинам. Красноармеец 1-го стрелкового полка Михаил Долгополов за три года сделал, как сегодня бы сказали, фантастическую карьеру. В армию пошел добровольцем. К концу 1923 года он был уже начальником отдела по учету бронемашин и танков Управления бронесил РККА, занимал должность, соответствующую генеральской!

Оборвав военную карьеру и демобилизовавшись из армии, папа остался стопроцентно беспартийным. Даже став журналистом, к тому же – сотрудником отдела литературы, он не вступил в очерченный привилегиями и обязанностями круг. В затянувшуюся эпоху соцреализма это выглядело невероятной аномалией. Тогда «Комсомолка» была притягательным центром: известные поэты Владимир Маяковский, Михаил Светлов, Александр Безыменский работали в штате и вне его. И все вкалывали будто проклятые, чтобы сказать Слово, которое всегда доходило до умов и сердец. Была в этих людях сильная вера.

Чуть не с первого дня работы в «Комсомолке» Миха Долгополова «прикрепили» к Владимиру Маяковскому. Это означало, что новичку доверяли общаться с постоянным автором и даже

корреспондентом «Комсомольской правды» напрямую. Отец очень волновался. Но они неожиданно сошлись. Довольно разборчивый, порой капризный в общении, Маяковский принял его.

От репрессий, возможно, отца спасла его профессиональная увлеченность. Не старался пробиться в начальники, да и писал всегда об искусстве. И тут он знал всех: Константина Станиславского, Владимира Немировича-Данченко, Максима Горького, Василия Качалова, Ивана Москвина, Всеволода Мейерхольда... «Комсомолка» по части культуры «вставляла фитиль», как тогда говорили, остальным. Может, решили не трогать чудака-журналиста, который был знаком со всеми поголовно и которого, в свою очередь, безоговорочно признавала вся театральная Москва?..

– Что повлияло на выбор вами профессии?

– Пример отца. Я горжусь, что являюсь потомственным журналистом. Отец был широко известен, он был страстным профессионалом. Его работа, его сущность, увлеченность любимым делом были отличительными чертами многогранного человека. Для него ничего не было выше, чем звание «специальный корреспондент». Считал это вершиной, особым статусом в профессии. Я не знаю ни единого журналиста, который гордился бы этим званием так, как папа.

Перед моими глазами всегда был образец его верности и полной самоотдачи избранному пути. Отец стремился попасть в «Комсомольскую правду», его мечта реализовалась. Он стал одним из основателей этой старейшей газеты, проработал там более 10 лет с 1927 по 1938 годы. А потом до самого ухода в 1977 года трудился в «Известиях». Более полувека посвятил работе в прессе. Может, нормальная журналистика и не дала дуба благодаря именно тому, что вопреки всему держится на традициях, которые закладывались еще в 1930-х...

Кстати, он очень хотел, чтобы я продолжил его дело.

– А с какого времени вы осознанно помните, чем занимался и как

работал ваш отец?

– С детства помню слова «Берлин», «Рейхстаг», «Победа», «Жуков», «Рокоссовский», «Капитуляция», «Нюрнберг», «трибунал». В Нюрнберге работали корифеи советской журналистики во главе с Борисом Полевым. Фронтвики, орденосцы. Им было доверено освещать работу первого в истории процесса над главными военными преступниками, виновниками развязанной бойни. Фото фронтовых корреспондентов на фоне рейхстага висело в нашей квартире на видном месте. А больше всего на свете, это подчеркивалось без излишней скромности, папа гордился тем, что единственным из советских журналистов присутствовал и при взятии Берлина, и при подписании Акта капитуляции Германии в Карлсхорсте и на Нюрнбергском процессе! Был, брал, освещал в качестве специального корреспондента.

В конце жизни отец страшно болел. Операция за операцией... Врачи-чудотворцы вытаскивали с того света. Выбравшись на пару месяцев из больницы, папа просил: «Отведи меня в «Известия». Подышу редакцией». И я тащил его на себе в любимый им дом на Пушкинской.

– А как входили в профессию?

– Моя преподавательница английского порекомендовала меня в информационное агентство «АПН». Платили хорошо, но какая же там была бесполезная работа. Начал писать заметки для нескольких газет. Отец сразу сказал, что в «Известиях» двух Долгополовых не будет. В отдел спорта «Комсомольской правды» меня взял прекрасный журналист Владимир Снегирев. Редакция встретила меня настороженно: мальчик с улицы Горького (ныне Тверская), сын известного журналиста, два с половиной года был в зарубежной командировке, ездит на собственном «Москвиче». ...

В итоге в штат меня принял сам Виталий Никитич Игнатенко. Там я проработал 22 года корреспондентом, старшим корреспондентом отдела спорта, заведующим отделом, потом редактором отдела, членом редколлегии, затем ведущим редактором, а это большая

честь! Представляете, работать рядом с Геннадием Селезевым, Василием Песковым, Ярославом Головановым! Особо благодарен своему учителю Алику Шумскому, блестяще писавшему и, к сожалению, безвременно ушедшему.

Потом послали во Францию собкором. Вернулся домой. Стал заместителем главного редактора «КП». Потом сдал экзамены и получил грант на учебу в университете Страфклайд в Глазго. Учился днем, с двух до ночи трудился во всемирно известной всем раскиданным по миру шотландцам газетой «Дэйли Рекорд», распространяемой в десятках стран. Даже получил приглашение от главного редактора подписать очень привлекательный контракт, от которого отказался. «Комсомолка» – моя большая любовь. Но пришлось уйти.

И – десять лет и два дня в газете «Труд». Мне там было комфортно по всем показателям – близость к дому, спокойная обстановка, нормальные люди. В этот период написал много книг. Но пришли новые хозяева. Купили не газету, а здание в центре Москвы. Вскоре нас выселили, газета чахла. Кстати, эти владельцы довольно давно сбежали за рубеж, прихватив свои миллиарды.

Теперешний главный редактор Валерий Симонов возродил редакцию и сейчас «Труд» вновь выглядит достойно.

– По своему опыту знаю, что иногда бывают и творческие неудачи – после них остаются горечь и неудовлетворенность. А с вами случалось такое?

– Конечно, никуда не денешься. В жизни каждого журналиста найдется пара-тройка эпизодов, о которых хотелось бы поскорее забыть и вычеркнуть навсегда из стыдливой памяти. Не получается и уже не получится. У меня таким был первый репортаж из Чернобыля. До сих пор гложет...

1 мая 1986 года идеолог перестройки, секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев излучал доброту во время беседы с восьмью журналистами из центральных газет, среди которых был и я.

Решением Политбюро нас отправили для освещения пока не понятых для страны событий в районе ЧАЭС. Александр Николаевич, в отличие от нас, наверняка знал на пятый день катастрофы уже многое.

2 мая днем мы были уже на границе зоны. Рядом со строго запретным для въезда пространством кипела и бурлила жизнь. Будто взбесившийся атом понимал, как дрессированный: 30-километровую зону не переходить! Сняв форменные брюки, прямо в синих инкубаторских трусах почти по колено, лихо гоняли мяч под лучами яркого в тот год солнца, молодые солдатики. И я написал, как бы и добровольно, оду силе духа, смелости, естественно, заклеив по ходу и проклятых мародеров, растаскивавших брошенное имущество. Слепая вера и невежественная неосведомленность водили пером. Правда, мое прозрение наступило довольно быстро. И уж точно заказанный победный репортаж на 9 мая о Международной велогонке мира, собирающей рентгены по раскаленным киевским улицам, написан не был бы. За самоотверженный героизм и непонимание масштаба трагедии люди платили жизнью...

Сначала на нас, журналистов, наорали: «Куда в зону прете?!». Но Политбюро шуток не шутило, и пораженная охрана действительно обнаружила коротенький списочек из наших восьми фамилий: «Во дают, ну въезжайте!». И 15 дней мы въезжали. Это уже потом мы стали посещать в зону с дозиметрами. А до этого – ни дозиметров, ни защитной одежды...

Эту поездку считаю одним из важных поступков, хотя ее последствия испытываю до сих пор. Мы с восемью коллегами даже получили премию Союза журналистов СССР за мужество и мастерство, проявленные в освещении этих событий.

И хочу напомнить сегодня о тех беззаветно смелых от безысходности людях, почти всеми, кроме нас в зоне побывавших, забытых 250 тысячах ликвидаторах. Именно они укрощали взбунтовавшийся атом собственными жизнями.

– Николай Михайлович, вы – один из самых известных спортивных журналистов. С юности помню ваши статьи и репортажи в «Комсомолке». Когда занялись документалистикой, посвященной легендарным разведчикам, многие решили, что вы кардинально сменили вид деятельности, погрузились в изучение архивов...

– Я никуда из спортивной журналистики и не уходил. 22 года возглавлял Федерацию спортивных журналистов России, сегодня ее почетный президент, а с 2001 года – вице-президент Международной ассоциации спортивной прессы, куда входят более 150 стран, и, кстати, до меня никто так долго не занимал этот пост. Но в февраля 2022 года сам оттуда ушел, зато сохранив членство России. Являюсь председателем Комитета Фэйр Плей при Олимпийском Комитете России и вице-президентом Международного комитета Фэйр Плей. Вхожу в исполком Федерации фигурного катания России.

– Назовите, какие пять качеств должны быть у журналиста, на ваш взгляд?

– Человечность, равнодушие, порядочность, оперативность, ответственность за написанное.

Текст Дмитрий Сурмило.

Фото из семейного архива Николая Долгополова.